

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

В.Н. Земцов

«Ужасный спектакль – море огня, океан пламени. Это был самый великий, самый величественный и самый ужасный спектакль, который я видел за свою жизнь», – воскликнул Наполеон на острове Св. Елены, вспоминая о московском пожаре и будучи в полной уверенности, что его слова дойдут до потомков¹. Свое поражение в России Наполеон неизменно объяснял так: хотя все сражения в ходе кампании 1812 г. он и его солдаты выиграли, ничто не могло победить природной стихии – огня, холода и «жестокости населения», которое само было одной из стихий, не подвластных человеческому гению². Со времени публикации апокрифического «Мемориала» многие поколения французов, подобно стендалевскому Жюльену Сорелю, продолжали и продолжают воспринимать события 1812 г. именно в подобном ключе³. Насколько это справедливо? К сожалению, в отечественной историографии после появления 130 лет назад работы А.Н. Попова «Французы в Москве»⁴, эта тема затрагивалась только вскользь. Между тем, «московское сидение» Наполеона как никакое другое событие дает богатейший материал для изучения характера и глубины столкновения в ходе войны 1812 года не просто империй, но разных культур, разных базовых ценностей, тем самым, позволяет ответить на сакраментальный вопрос о глубинных причинах поражения всеевропейской армии в России. Увидеть особенности восприятия французским императором и его солдатами русских реалий, проследить эволюцию отношения к России и русским, ощутить внутренние эмоциональные перемены в рядах

Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

¹ *O'Méara*. Napoléon dans l'exil // *Las Cases A.E.D.M. Mémorial de St.-Hélène*. P., s.a. T. 2. P. 590-591.

² *Las Cases A.E.D.M.* Op. cit. T. 1. P. 36 (Запись от 10 октября 1818 г.); T. 2. P. 341 (Запись от 25 октября 1816 г.); *Montholon*. Histoire de la captivité de St.-Hélène. Bruxelles, 1846. T. 2. P. 179; etc.

³ См., например: *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. T. 2; *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. T. 14; *Olivier D.* L'incendie de Moscou. P., 1964; *Thiry J.* La Campagne de Russie. P., 1969; etc.

⁴ *Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году. М., 1876.

Великой армии во время «московского сидения» позволяет, прежде всего, сохранившееся уникальное эпистолярное наследие. Применительно к московскому периоду нами выявлено и обработано 261 письмо. Из них 101 принадлежит маршалам, генералам и высшим чиновникам администрации, 79 – офицерам, 28 – чиновникам, 9 – унтер-офицерам и солдатам; авторы 44 писем оказались неидентифицированными⁵. К письмам примыкает ряд изданных дневников – Э.В.Э.Б. Кастильяна, капитана (затем шефа батальона), адъютанта генерал-адъютанта Л.М.Ж.А. Нарбонна; Л.Ф. Фантен дез Одара, капитана 2-го полка пеших гренадеров императорской гвардии; Г.Ж.Р. Пейрюса, казначея в администрации Главной квартиры Великой армии; и др.⁶ Что же касается письменного наследия Наполеона, то к 36-дневному пребыванию в Москве относятся 20 писем императрице Марии-Луизе, 86 посланий из официальной «Корреспонденции» и 5 бюллетеней Великой армии, составленных при непосредственном участии (как правило, под диктовку) императора⁷.

Великая армия увидела Москву в полдень 14 сентября (все даты даны по новому стилю) 1812 г. Картина, неожиданно открывшаяся солдатам Наполеона с Поклонной горы, была настолько ошеломляющей, что свои впечатления от нее сочли необходимым описать десятки, если не сотни, участников похода. «Вид на эту столицу с холма, откуда Москва предстала перед нашим изумленным взором, – записал в дневнике 21 сентября Фантен дез Одар, – как будто перенес нас в детские фантазии об арабах из сказок тысячи и одной ночи. Мы были внезапно перенесены в Азию, так как [то, что мы видели] уже не было нашей архитектурой... В отличие от устремленных к облакам колоколен наших городов Европы, здесь тысячи минаретов – одни зеленые,

⁵ Российский государственный архив древних актов Ф. 30. Оп. 1. (далее – РГАДА). Д. 240-243, 245-254, 260-264, 266-268, 284. Ч. 1-2; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 1-2; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ ОР). Ф. 41. К. 165. Ед. 25; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / Publ. par S.E.M. Goriaïnow. P., 1913; *Ternaux-Compans H. Le général Compans*. P., 1912; *Peyrusse G.-J. Mémoires et archives. 1809-1815*. Carcassonne, 1869; *Chuguet A. Lettres de 1812*. P., 1911. Sér. 1; *Idem*. 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér. 1-3; [*Du Casse A.*] *Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène*. P., 1858 (1860). Т. 7-8; *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville)*. Op. cit. Т. 3; *Исключь С.Н.* Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 104-109; etc.

⁶ *Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. P., 1895. Т. 1; *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. P., 1895; *Peyrusse G.-J.* Op. cit.; etc.

⁷ *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise. 1810-1814*. P., 1935; *Correspondance de Napoléon I.* P., 1868. Т. 24. При работе с бюллетенями Великой армии мы воспользовались изданием: *Œuvres de Napoléon I.* P., 1827. Т. 5.

другие разноцветные – были закруглены и блестели под лучами солнца, похожие на множество светящихся шаров, разбросанных и плывущих над необъятным городом. Восхищенные этой блестящей картиной, наши сердца забились сильнее с гордостью, радостью и надеждой»⁸. Об азиатских чертах архитектуры Москвы писали и другие французы. Как отметил в письме интендантский чиновник Проспер, город Москва «построен в азиатском [стиле] и включает огромное количество куполов церквей и мечетей»⁹. Как о мечети «с многочисленными колокольнями» позднее упомянет о соборе Василия Блаженного и Наполеон, предложив в приказе Бертье от 1 октября его разрушить¹⁰.

Пока же, 14 сентября, восторг Наполеона при виде древней русской столицы был столь же сильным, как и у его солдат. «Он остановился в восхищении, и у него вырвался возглас радости», – отметил бригадный генерал Ф.П. Сегюр¹¹.

Во второй половине дня 14 сентября части Великой армии вступили в Москву. Первое впечатление о Москве как об азиатской столице сменилось более сложными чувствами. «Мое удивление (из-за отсутствия жителей – В.З.) при вступлении в Москву было смешано с восхищением, – сообщал в письме своему отчиму интендантский чиновник Проспер, – ибо я ожидал увидеть деревянный город, как говорили мне многие люди, но, вопреки этому, почти все дома были из камня и в высшей степени элегантно и самой современной архитектуры. Особняки частных лиц походили на дворцы, все было богато и восхитительно»¹². Полковник Ф.И.А. Паркез, приехавший в Москву только в конце сентября и увидевший город уже сгоревшим, тем не менее, не мог не воскликнуть: «Судя по тому, что осталось, я нахожу эти дворцы и всю архитектуру лучшими из возможных. Все эти огромные дома, крытые железом и построенные из кирпича, очень хорошо устроены»¹³. Польский граф майор П. Дунин-Стжижевский также прибыл в Москву уже после первых пожаров. Но и он в письме жене отметил, что город, «хотя и сгоревший в очень значительной части, нам показался все же в высшей степени великолепным... Все дворцы огромны, обладают непостижимой роскошью, их архитектура,

⁸ *Fantin des Odoards L.-F.* Op.cit. P. 331-332.

⁹ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 150.

¹⁰ Наполеон – Бертье. Москва, 1 октября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I.* P. 239.

¹¹ *Ségur Ph.-P.* La campagne de Russie. Mémoires. P., s.a. P. 170.

¹² Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ ОР). Ф. 859. К. 6. № 4. Л. 54-55; *Lettres interceptées...* P. 147.

¹³ Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 61.

их колоннады восхитительны. Интерьеры этих огромных строений украшены с отменным вкусом; начиная с вестибюлей, лестниц, вплоть до чердака – все совершенно. Я видел очаровательной работы статуи в натуральную величину из античной бронзы, держащие канделябры в 20 свечей». И далее: «Французы, сами столь гордящиеся Парижем, удивлены величием Москвы из-за ее великолепия, ее роскоши, которая соответствует найденным здесь богатствам, при том, что город почти полностью эвакуирован»¹⁴. Действительно, многие чины армии не могли удержаться, чтобы не сравнить Москву с Парижем. Москва – «это красивый город, – пишет су-лейтенант Л.Ф. Куантен, – он составляет в 11 льё окружности. Все дома похожи на дворцы, улицы очень длинные. Наконец, утверждают, что он значительно красивее Парижа»¹⁵. «Представь себе, – пишет капитан конной артиллерии императорской гвардии Ф.Ш. Лист, – что Москва на 3 льё в окружности превышает Париж, говорят, что она составляет в 10 льё. Однако в ней не так много жителей, как в Париже. И я нахожу ее более приятным и более нарядным городом, чем Париж. Улицы все очень широки, удобны и, особо замечу, очень чисты»¹⁶. Москва «столь же значительна и так же велика как Париж», – замечает су-лейтенант Ж. Дав¹⁷. Подобное стремление сравнить Москву с Парижем испытал и Наполеон. «Город столь же велик, как Париж», – сообщает он 16 сентября в своем первом письме Марии-Луизе из Москвы¹⁸. «Мой друг, я пишу тебе уже из Москвы. Я не в состоянии составить представление об этом городе (Je n'avois pas d'idee de cette ville). В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец (l'Élisé Napoléon), обставленных на французский манер с невероятной роскошью, многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали»¹⁹. «Город Москва столь же велик, как Париж; это в высшей степени богатый город, заполненный дворцами всех князей империи», – говорилось в 19-м бюллетене Великой армии от 16 сентября, составленном, по всей видимости, под диктовку Наполеона²⁰. Город «в высшей степени

¹⁴ П. Дунин-Стжижевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // Ibid. P. 79.

¹⁵ Л.Ф. Куантен – матери. Москва (Россия), 20 сентября 1812 г. // Ibid. P. 18.

¹⁶ Ф.Ш. Лист – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. – РГАДА. Д. 268. Л. 150; *Lettres interceptées...* P. 27.

¹⁷ Ж. Дав – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 54.

¹⁸ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon á Marie-Louise*. P. 78.

¹⁹ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // Ibid. P. 78-79.

²⁰ 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I*. P. 62.

прекрасен», – пишет Наполеон о Москве 18 сентября министру иностранных дел Франции Ю.Б. Маре²¹.

Вместе с тем, французы не могли и не ощутить «азиатской» особенности Москвы. Нередко эти черты особенности авторы дневников и писем связывали с русскими церквями и Кремлем. Еще 1 июля в беседе с русским генерал-адъютантом А.Д. Балашовым Наполеон изумлялся огромному количеству церквей в Москве, немыслимому в любом европейском городе²². В Москве «240 церквей, каждая из которых, как все городские церкви, имеет 5 куполов. Это создает вид настоящего леса», – напишет Пейрюс брату 22 сентября²³. Был потрясен богатством и необычностью кремлевских соборов шеф батальона фузелеров-гренадеров императорской гвардии Л.Ж. Вьонне де Марингоне: «Мы остановились на несколько мгновений в экстазе, вызванном видом такого богатства, что не могли говорить»²⁴. С высоты Кремля любовался «греческими церквями», «каждая из которых имеет 5 или 6 куполов, покрытых золотом или выкрашенных в зеленый цвет», – отмечал 20 сентября Кастильян²⁵. Наполеон, въехавший в Кремль 15 сентября, узрел не менее захватывающую картину. Под впечатлением от увиденного он написал утром 16 сентября Марии-Луизе, что «город столь же велик как Париж. В нем 1600 церквей и более тысячи прекрасных зданий»²⁶.

Входя в Москву, которая потрясла захватчиков своими размерами, блеском и роскошью, Наполеон принял меры к тому, чтобы город не подвергся разграблению и пожарам от рук солдат Великой армии. К вечеру 14 сентября в Москве должны были находиться только дивизия генерала Ф.Роге из Молодой гвардии (3,5 тыс. чел.) и горстка гвардейских жандармов. Солдатам остальных частей было запрещено входить в Москву, а вдоль западной окраины были расставлены посты, с тем, чтобы предотвратить проникновение в город мародеров. Наполеон все еще вел «правильную» войну и надеялся, что «цивилизованное» вступление его войск во вторую русскую столицу с неизбежностью приведет к заключению мира²⁷. Все действия Великой армии,

²¹ Наполеон – Ю.-Б.Маре. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I*. P. 219.

²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 3589. Л. 41.

²³ Пейрюс – брату. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 102. Note.

²⁴ *Vionnet de Marignoné L.-J. Souvenirs*. P., 1899. P. 35-36.

²⁵ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 158.

²⁶ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon á Marie-Louise*. P. 78.

²⁷ Подробнее см.: *Земцов В.Н.* Гвардия Наполеона в Москве 14-16 сентября 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 134-137.

как показывают приказы Наполеона за 14 и 15 сентября, сводились к тому, чтобы «собирать» русских пленных по улицам Москвы и ее пригородам²⁸. Пожары, начавшиеся уже в ночь с 14 на 15 сентября, Наполеон приписал исключительно случайностям, обычным во время военных действий.

15 сентября настроение в тех частях Великой армии, которые вступили в Москву, стало уже далеко не радужным. «Мы были в намного менее веселом настроении, чем ранее, – записал 21 сентября о своих впечатлениях, относившихся к 15-му числу, Фантен дез Одар, – и горевали по поводу того, что все население, среди которого мы рассчитывали вести сладкую жизнь, исчезло; через несколько часов обнаружился и другой предмет разочарования, когда к нам стали приходиться отдельные погорельцы. Хотя после Смоленска мы двигались не иначе как по пепелищу пожарищ, никто между нами не предполагал, что Москва, *Святая Москва*, будет предана огню как последняя деревня; но у нас было ошибочное мнение в отношении цивилизации русских. При первых известиях о пожарах Император, который, вероятно, разделял нашу беззаботность, был убежден в том, что они произошли по вине наших мародеров...»²⁹. Действительно, истинное положение дел и причины многочисленных пожаров, вспыхивавших то в одном, то в другом месте, стали очевидны для многих чинов Великой армии уже к 15 сентября. «Арестовано много русских, с фитилем в руке, – записал 15-го в своем дневнике Кастелян. – Наши солдаты смогли затушить огонь в нескольких местах, но не везде. Говорят, что губернатор Москвы отрядил солдат полиции для исполнения этой почетной миссии»³⁰. Между тем, Наполеон продолжал, словно зачарованный, сохранять поразительное спокойствие. Сам он, объезжая днем 15 сентября Кремль и близлежащие кварталы, мог видеть только слабые дымы. То же он мог наблюдать и из окон Кремлевского дворца, которые выходили на Замоскворечье.

Примерно в половине десятого 15-го сентября во многих районах Москвы начались сильные пожары и в 11 вечера гвардия в Кремле была поднята в ружье. Ночь с 15-го на 16-е сентября запомнилась многим гвардейцам Наполеона. «Едва наступившая ночь покрыла горизонт, на котором вырисовывались дворцы, – вспоминает ту ночь П.Ш.А. Бургоэнь, лейтенант 5-го полка вольтижеров Молодой гвардии,

²⁸ Наполеон – Бертье. Москва, 14 сентября 1812 г.; Наполеон – Бельяру. Москва, 15 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Москва, 15 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I. P.* 217-218.

²⁹ *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 332-333.

³⁰ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 155.

находившийся вместе с дивизией генерала А.Д. Делаборда у Дорогомиловской заставы, – мы увидели зловещий свет двух пожаров, затем пяти, затем 20, затем тысячу всполохов пламени, перебрасывающихся от одного к другому. В течение двух часов весь горизонт стал не чем иным, как сжимающимся кольцом. Мы тотчас же были подавлены значением этого языка пламени (*langage de feu*), на котором к нам обращались русские в миг нашего вступления в эту столицу. Это было продолжением того, что мы видели в Смоленске, в Вязьме, в Можайске, в каждом местечке, в каждой деревне, которые мы должны были пройти. Русские получили приказ сжигать все, чтобы мы голодали; они следовали этому предписанию с их обычным невозмутимым постоянством. Мы укладывались спать, весьма опечаленные, при свете этого пылавшего костра, который с каждой минутой все увеличивался»³¹. Между тем – странная вещь – будучи разбуженным в начале пятого и приказав послать офицеров, дабы выяснить, что происходит, Наполеон снова заснул. Причина заключалась в том, что его наконец-то отпустила дизурия, мучившая его уже много дней. Когда около 7 утра к нему пришел врач Э.О. Метивьер, император все еще был в постели. Тогда-то со слов Метивьера Наполеон и узнал, что огонь уже обступает Кремль. Отсвет зарева, который нельзя было не увидеть в окнах дворца, подтверждал это. И все же, написав тем утром письмо Марии-Луизе, Наполеон ни словом не обмолвился о пожаре! Он только отметил, что из Москвы «дворянство уехало; вынуждены были удалиться также и купцы, простой люд остался». И далее: «Мое здоровье хорошее, мой насморк прошел. Враг отступает, как говорят, на Казань. Прекрасное завоевание (Москвы – В.З.) есть результат сражения при Москве-реке»³². Между тем, все разраставшийся огонь заставил Наполеона наконец-то осознать масштаб разыгравшейся трагедии. Согласно Сегюру, Наполеон в полной растерянности взволнованно ходил по комнатам и, бросаясь от окна к окну, восклицал: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы («*Quel effroyable spectacle! Ce sont eux-même! Tant de palais! Quelle résolution extraordinaire! Quels hommes! Ce sont des Scyth*)». И только крик «Кремль горит!» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность³³. Во второй половине дня 16 сентября Наполеон принял решение покинуть Кремль и перебраться в Петровское. Здесь он будет находиться до 18 сентября.

³¹ *Bourgoing P. Souvenirs militaires. P., 1897. P. 112-113.*

³² Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г.

³³ *Ségur Ph.-P. Op. cit. P. 185-186.*

В 19-м бюллетене Великой армии, подготовленном, вероятно, вечером 16 сентября, Наполеон, наконец-то представил, хоть и в несколько преувеличенном виде, истинную картину случившегося, возложив вину за пожар на московского главнокомандующего: «Русский губернатор, Ростопчин, хотел уничтожить этот прекрасный город, когда узнал, что русская армия его покидает. Он вооружил три тысячи злодеев, которых выпустил из тюрем; равным образом он созвал 6 тысяч подчиненных и раздал им оружие из арсенала». «Полная анархия охватила город; пьяное неистовство захватило дома, и полыхнул огонь. Ростопчин, издав приказ, заставил уехать всех купцов и негоциантов. Более четырехсот французов и немцев также подпали под этот приказ; наконец, он предусмотрел вывезти пожарных с насосами: таким образом, полная анархия опустошила этот огромный и прекрасный город, и он был пожран пламенем»³⁴. Тему пожара Наполеон продолжил развивать и в следующем, 20-м бюллетене. По тому, как автор пытался убедить не только общественное мнение, но и себя самого в том, что московский пожар не изменил общей ситуации, в его словах явственно ощущается растерянность и подавленность случившимся. Утром 18-го, перед возвращением из Петровского в Москву, Наполеон впервые написал о московском пожаре Марии-Луизе: «Все исчезло, огонь в течение 4-х дней [всё] пожрал». «Это губернатор и русские, которые, в ярости от того, что побеждены, подожгли этот прекрасный город. 200 000 добрых жителей в отчаянии и на улицах в нищете». «Это потеря неизмерима для России, понятно, что ее торговля в состоянии великого потрясения. Эти мерзавцы приняли меры вплоть до того, что вывезли или испортили помпы»³⁵. В 8 вечера того же дня Наполеон снова пишет Марии-Луизе: «Я посетил сегодня все кварталы. Город прекрасен. Россия в огне понесла неисчислимую потерю, осталось не более трети домов»³⁶.

20 сентября император Франции пишет письмо Александру I: «Прекрасный и великий город Москва более не существует. Ростопчин ее сжег. Четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу этого губернатора и начальника полиции: они расстреляны. Огонь, в конце концов, был остановлен. Три четверти домов сожжены, четвертая часть осталась. Такое поведение ужасно и

³⁴ 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I*. P. 62-63.

³⁵ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise*. P. 78-79.

³⁶ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г., 8 вечера // *Ibid*. P. 79-80.

бессмысленно»³⁷. Текст этого письма (которое не раз публиковалось и многократно цитировалось) отразил многое из того, что волновало тогда Наполеона: французский император опасался, что Александр (а возможно и общественное мнение европейских стран) может возложить на него ответственность за пожар Москвы, он надеялся как можно скорее получить свидетельства от русских о возможности мира, он был в неопределенности относительно своих собственных планов. Но за всем этим видится и еще одно: растерянность европейца, столкнувшегося с «азиатским варварством». Несмотря на свои заявления накануне и в ходе войны о дикости и «неевропейскости» русских, разумом сознавая пропасть между миропониманием русских и западноевропейцев, Наполеон все же оказался не готов столкнуться с проявлением этих различий на практике. О том, что реакция Европы на пожар Москвы определенно занимала Наполеона, свидетельствует и его письмо от 21 сентября Марии-Луизе. Он просит супругу, во-первых, написать своему отцу, австрийскому императору Францу I, об оптимизме, который, как можно понять, излучает ее муж, находясь в Москве, а, во-вторых, сообщить ему, Наполеону, слухи, которые ходят в Париже по поводу последних событий в России³⁸.

Как мы уже убедились, иллюзии многих солдат Великой армии в отношении причин московского пожара и действий русских стали рассеиваться раньше, чем у Наполеона. Тема пожара и его причин стала центральной в дневниках и письмах большинства французов. «Пушкай Европа думает, что французы сожгли Москву, – размышлял о случившемся Фантен дез Одар, делая 24 сентября запись в дневнике (Фантен дез Одар оказался одним из немногих офицеров Великой армии, который, как и Наполеон, всерьез задумался о возможных обвинениях французов в поджоге Москвы), – может быть все же [в конце концов] история воздаст должное этому акту вандализма. Между тем, правда состоит в том, что этот великий город лишен отца, рукою которого он должен был бы быть защищен. Ростопчин, его губернатор, хладнокровно подготовил и принес жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобожденных ради этого, и которым было обещано полное прощение, если эти преступники сожгут Москву. Опьяненные водкой и снабженные зажигательными материалами... эти бешеные с адской радостью подняли руку на результаты труда...»³⁹. «...После

³⁷ Наполеон I – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I*. P. 221-222.

³⁸ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 21 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon á Marie-Louise*. P. 81.

³⁹ *Fantín des Odoards L.-F.* Op.cit. P. 336.

нашего вступления в Москву, мы не имели возможности отдохнуть, – писал 20 сентября любимой женщине лейтенант Паради. – Ты знаешь, сей великолепный город обращен в пепел, и это именно император России заставил жителей эвакуироваться и зажег огонь со всех сторон с помощью 10 тысяч русских и всех каторжников»⁴⁰. «Представь себе город в 14 льё в окружности, – пишет тот же Паради 26 сентября сыну, ученику императорского лицея в Лионе, – который горит со всех сторон; 10 тысяч русских, нанятых своим императором, безостановочно в течение 8 дней все поджигают. Очень немного кварталов, которые избежали огня. <...> Ах! Мой дорогой Гектор, я тебе клянусь, что это ужасно – видеть в развалинах один из самых красивых городов, о котором я тебе говорил и с которым случилось такое, что в некоторых частях города на расстоянии до 2-х льё можно найти едва ли с десятка несгоревших домов!»⁴¹. «Моя дорогая, мы в Москве с 14-го сентября, – пишет 23 сентября су-лейтенант П. Беснар жене, – это один из наилучших городов, но пришло великое несчастье: император России выпустил каторжников и начался пожар. Город горел в течение 8 дней»⁴². «Русские, движимые адским духом, подождгли сами свою столицу», – отмечал Ж. Фишер, музыкант из итальянской королевской гвардии⁴³. «Верить ли, мой дорогой Тош, – пишет генерал Ж.-Л. Шарьер некоему Тошу-старшему, – что русские сделали: варварски спалили этот великолепный и очень большой город... Все жители потеряли свои очаги и их судьба определяется тиранией правительства, которое заставило всех покинуть [город], наконец эти нищие варвары уничтожили все, спалили все, и они также сожгут, по всей вероятности, Санкт-Петербург в тот момент, когда армия (французская – В.З.) к нему приблизится»⁴⁴. «Этот красивый и огромный город сожжен этими варварами. От огромных торговых магазинов, огромных дворцов ничего не осталось. Видя, что они не могут помешать нам вступить в город, они объединились в отряды поджигателей...», – писал гвардейский капитан К.Ж.И. Бёкоп своему отцу⁴⁵. Наиболее сложную (и весьма экзотичную) версию представил в письме от 22 сентября к своему брату Пейрюс: «Вполне определенно говорят, что это был план, предложенный англичанами на случай нашего вступления в Москву, дабы нанести

⁴⁰ Паради – м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. – РГАДА. Д. 268. Л. 68; *Lettres interceptées...* P. 22.

⁴¹ Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 24.

⁴² П. Беснар – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 29-30.

⁴³ Ж. Фишер – Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 36.

⁴⁴ Ж.-Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 (?) сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 37.

⁴⁵ К.Ж.И. Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 70-70об.; *Lettres interceptées...* P. 49.

удар по штаб-квартире императора и по гарнизону, путем пожара и разорения покинутого города посредством грабежа. Генерал Барклай де Толли, военный министр, разделял это мнение; но император Александр справедливо расценил, что тот иностранец и чужд этому замыслу, лишил генерала Толли командования корпусом, который занимал Москву. Генерал Кутузов, главнокомандующий, не согласный с этим диким актом, отвечал, что он желает защищать город до последней возможности. И это было вполне возможно, ибо Москва за ее пределами такова, что могла бы быть хорошо защищена; но не таково было решение губернатора; под давлением великого герцога Константина, возбуждаемый некоторыми высокопоставленными сеньорами, он приказал разрушить город. Этот жестокий приказ более чем точно выполнен»⁴⁶.

Цитирование писем и дневников военнослужащих Великой армии можно продолжать и далее, но очевидно, что многие из них возлагали вину (в отличие от Наполеона) не только на Ростопчина, но и на само русское правительство и императора Александра. Почему же Наполеон, как видится из его письменного наследия, исключал возможность участия Александра в ужасном заговоре с целью сожжения Москвы? Думаем, что кроме тактических соображений (французский император продолжал надеяться на открытие мирных переговоров), Наполеон действительно руководствовался уверенностью в непричастности Александра к осуществлению чудовищного проекта. Наполеон отказывался соотносить благородного Александра с варварством его подданных.

Пожар русской столицы окончательно развеял иллюзии солдат Великой армии в отношении «русской цивилизации». «Бешеные сами уничтожили свою столицу! В современной истории нет ничего похожего на этот страшный эпизод. Есть ли это священный героизм или дикая глупость, доведенная до совершенной крайности? Я придерживаюсь последнего мнения. Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы, те, кто сжег Москву», – записал 21 сентября Фантен дез Одар⁴⁷. «Все мертво, – отмечал он же четырьмя днями ранее. – Эти дворцы, лишенные и обстановки, и обитателей, не знают более иного звука, кроме звука ваших шагов. Это то же, что Геркуланум и Помпеи, представшие взору иностранца. Только время от времени, мельком покажется один из тех русских жителей, которые живут между нами в надежде получить

⁴⁶ Пейрюс – брату. В Кремлевском дворце, в Москве, 22 сентября 1812 г. // *Peurusse G.-J.* Op. cit. P. 101. Note. См. также запись в дневнике Пейрюса от 21 сентября 1812 г. (Ibid. P. 100). Упоминание о роли «английских агентов», переодетых в русское платье, поджигавших Москву, содержится в письме простого солдата Маршала (Маршал – г-ну Тюгне, кюре. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 34).

⁴⁷ *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 330.

часть добычи. Покрытый лохмотьями, с длинной спутанной бородой, он возникает в этом безлюдье как призрак, и при приближении француза, боясь быть ограбленным, исчезает, как видение»⁴⁸. «Русские – ужасные варвары. Население бежало все без остатка», – пишет некто Борвотт своей жене⁴⁹. «...Вокруг нас на 50 льё пустыня в стране холода. Я вас уверяю, что обыватели одеты в овчины...» – сообщает Ф. Шартон, прикомандированный к администрации фуражирования⁵⁰. «...Люди, которые здесь живут... имеют вид настоящих дикарей; нет ни одного приятного лица», – отмечал некто Итасс⁵¹. «Уверяю тебя, что женщины у этих дикарей им под стать, – пишет своей жене в Париж помощник военного комиссара Ф.М.П.Л. Пенжийи Ларидон 14 октября, – и что до нашего вступления в Россию мы никогда еще не созерцали столь малого числа миловидных женщин»⁵².

Немало строк посвятили французы описанию вероломства «русских орд». Вот один из образцов, представленный Барье, шефом батальона 17-го линейного полка, в письме жене от 22 сентября из Москвы: «Эти варвары, которых энергично преследовали наши легионы, оказались под сильным огнем, который был открыт [по ним] в одном или двух льё от Москвы, и главный начальник их арьергарда стал просить нашего императора прекратить огонь с тем, чтобы сберечь город, который они оставляют нам невредимым; но по своему вероломству, которое не имеет примеров и которое нельзя сравнить с [деяниями] самых злостных негодяев древней Греции, только лишь с одним Зеноном (?! – В.З.), они отпустили тем же вечером всех сумасшедших и злодеев, которые находились в домах заключения и которые, соединившись с 5 или 6 тысячами русских, прятаящихся в городе, подожгли его целиком». По словам Барье, русские рассчитывали на добросердечие французов, чтобы заманить их в ловушку и «всех поджарить»⁵³. Особенно поразило французов то, что русские, сжигая Москву, оставили в ней огромное количество своих раненых. «Эти варвары не пощадили даже собственных раненых. 25 тысяч раненных русских, привезенные сюда из Можайска, стали жертвами этой жестокости...», – записал в дневнике 18 сентября Пейрюс⁵⁴. «30 тысяч раненных и больных русских сгорело», – заявил Наполеон в бюллетене от 17 сентября⁵⁵.

⁴⁸ *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 241.

⁴⁹ Борвотт – жене. Москва, 29 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 58.

⁵⁰ Ф. Шартон – матери. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 49.

⁵¹ Итасс – кухне. Москва, 14 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 109.

⁵² Ф.М.П.Л. Пенжийи Ларидон – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 107.

⁵³ Ж.П.М. Барье – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 33.

⁵⁴ *Peyrusse G.-J.* Op.cit. P. 98.

⁵⁵ 20-й бюллетень Великой армии. Москва, 17 сентября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I.* P. 63.

Стихийные расправы над теми русскими, которых французские солдаты застали за поджогом московских зданий, начались, вероятно, уже 15 сентября. Трупы «поджигателей» французы в целях устрашения вешали на улицах и площадях. «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать большие детали, которые ужасны», – писал отцу капитан императорской гвардии К.Ж.И. Бёкоп⁵⁶. В бюллетене от 20 сентября Наполеон заявил, что «три сотни поджигателей» арестованы и повешены⁵⁷. В письме Александру I, помеченному тем же днем, император утверждал: «Четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу... губернатора и начальника полиции: все они расстреляны»⁵⁸. Сообщал Наполеон о расстрелах и Марии-Луизе, правда, уже 23 сентября: «Здесь все хорошо, зной стал умеренным, погода хорошая, мы расстреляли столько поджигателей, что он [пожар] закончился»⁵⁹.

Наполеон решил организовать процесс над «поджигателями». 23 сентября Пейрюс записал в дневнике: «Это невозможно, чтобы Его величество оставался еще долгое время безучастным наблюдателем страшного опустошения. После обысков наиболее усердствующих, захвачено 26 поджигателей. Назначена комиссия для проведения над ними процесса». 24 сентября он же констатировал: «Десять поджигателей, совершенно изобличенных, приговорены к смерти; они сознались в своих злодействах и в миссии, которую они выполняли. Шестнадцать остаются в заключении как недостаточно изобличенные»⁶⁰. Протокол суда военной комиссии над 26 русскими, обвиненными в поджогах города, стал широко известен. 29 октября 1812 г. его опубликовали в *Moniteur* (№ 303)⁶¹. С какой целью и для кого был организован этот показательный процесс? Для европейской публики? Примечательно: в постановлении военной комиссии прямо говорилось,

⁵⁶ К.Ж.И. Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. – РГАДА. Д. 268. Л. 70-70 об.; *Lettres interceptées...* P. 50.

⁵⁷ 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I. P.* 65-66.

⁵⁸ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I. P.* 221.

⁵⁹ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise.* P. 82.

⁶⁰ *Peyrusse G.-J. Op.cit.* P. 102.

⁶¹ Отечественный исследователь обычно пользуется публикацией П.И. Щукина, где имеются параллельные тексты на французском и русском языках. – См.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1897. Ч. 1. С. 129-130. См. также: РНБ ОР. Ф. 859. К. 6. № 6. Л. 84-89).

что часть «поджигателей» была уничтожена патрулями или погибла сама во время поджогов. Поэтому можно предположить, что речь не шла о том, чтобы облечь массовые расправы над подлинными и мнимыми поджигателями в законную форму, но о том, чтобы указать на истинных виновников чудовищного злодеяния. Делали это не только и не столько для европейцев, сколько для Петербурга, не без оснований опасаясь, что Александр I может возложить ответственность за разорение столицы на французов.

Многие чины Великой армии были уверены, в отличие от Наполеона, в непосредственном участии Александра I в организации пожара. «Я проклинаю войну и суверена, который таким образом играет счастьем, судьбой и жизнью людей», – восклицал в письме от 15 октября капитан Л.Н. Плана де Файе⁶².

Французы по-своему ответили на «варварство» русских. Ответ этот заключался не только в расстрелах «поджигателей», но и в разнуданных грабежах московских домов и оставшихся в них мирных жителей. Эти грабежи начались уже 14 сентября. В этот день солдаты Молодой гвардии посетили «захоронения царей» в московском Кремле. 15 сентября их сменили солдаты Старой гвардии. Солдаты Легиона Вислы, также прикомандированные к императорской гвардии, но оставленные в пригороде, с утра 15 сентября один за другим начали убегать в город за добычей. «В этом до сих пор так прекрасно дисциплинированном войске беспорядок дошел до того, что даже патрули украдкой покидали свои посты», – вспоминал капитан Г. Брандт⁶³.

15 сентября Наполеон приказал «упорядочить» систему мародерства. Лейтенант Л. Гардые, 111-й линейный полк которого все еще стоял у Дорогомиловской заставы, свидетельствует, что именно 15 сентября был отдан приказ выделять наряды от частей, стоявших вне города «для поиска съестных припасов, кожи, сукна, меха, и т.д.»⁶⁴ Наполеон и не собирался скрывать того, что сам отдал подожженный «варварами» город на разграбление армии. В письме Марии-Луизе, в глазах которой он всегда ранее пытался выглядеть благородным защитником Европы, он прямо заявил: «...армия нашла множество богатств разного рода, так как в этом беспорядке все занимаются грабежом»⁶⁵. Да и в письме Александру от 20 сентября французский император отписал: «Пожары

⁶² Плана де ла Файе – мадам Делплас. Москва, 15 октября 1812 г. – РГАДА. Д. 284. Ч. 2. Л. 137.

⁶³ Воспоминания Генриха фон Брандта // Записки современников 1812 года. СПб., б.г. С. 98.

⁶⁴ Gardier L. Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1999. P. 53.

⁶⁵ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise. P. 79.

санкционировали грабеж, с помощью которого солдат оспаривает у пламени то, что осталось»⁶⁶. Еще более «упорядоченным» стал грабеж после 18 сентября, когда большой пожар закончился. Фантен дез Одар записал в дневнике: «Регулярный грабеж... был организован. Каждому корпусу определялось, каким кварталом необъятного города он ограничивает свои поиски, и [этот] приказ привел к беспорядку»⁶⁷. Некто Кудер письме жене 27 сентября отмечал, что «когда наш император увидел такое (то есть пожар – В.З.), он дал солдатам право грабить»⁶⁸. О том, что армия «получила возможность хорошенько пограбить в течение 10 дней», 26 сентября писал домой Пароди⁶⁹.

Вполне естественно, что реально грабеж нельзя было сделать «организованным». На улицах горящей Москвы разыгрывались жуткие сцены, связанные с дележом награбленного. Так как дома, наряду с солдатами наполеоновской армии, грабила и городская чернь, а затем и прибывшие из ближних деревень русские крестьяне, все перемешалось. «Грабеж со стороны сброда и солдат совершенный», – сообщал в письме домой полковник Паркез⁷⁰. Генерал Л.Ж. Грандо прямо винил за московскую вакханалию не только русских поджигателей, но и французов. «Половина этого города сожжена самими русскими, но ограблена нами в очень изыщной манере», – язвительно замечает он в письме полковнику Ж.Ф. Ноосу⁷¹. А вот простой солдат из 21-го линейного Ф. Пулашо заявляет в письме жене о том, что французы были виновниками не только разграбления Москвы, но и самого пожара: «...Всюду, где мы проходили, мы выжигали все дотла; прибыв в Москву мы сожгли эту древнюю столицу»⁷².

После возвращения Наполеона из Петровского в Кремль, когда император увидел невозможность сохранить боеспособность армии в условиях узаконенного грабежа, он решил остановить дальнейшее разграбление. 20 сентября он приказал «немедленно прекратить грабеж»⁷³. Но выполнить это распоряжение оказалось невозможным.

⁶⁶ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I. P.* 221.

⁶⁷ *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 337. Запись от 24 сентября 1812 г.

⁶⁸ Кудер – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 51.

⁶⁹ Пароди – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 24.

⁷⁰ Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 61.

⁷¹ Л.Ж. Грандо – Ж.Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. – РГАДА. Д. 268. Л. 71; Д. 245. Л. 1-2; *Lettres interceptées...* P. 39.

⁷² Ф. Пулашо – жене. Москва, 21 сентября 1812 г. – РГАДА. Д. 268. Л. 70об.; *Lettres interceptées...* P. 395.

⁷³ Приказ дня по императорской гвардии. 20 сентября 1812 г. // *Registre d'Ordre du 2-e régiment de grenadiers á pied de la Garde Imperiale.* – РНБ ОР. Fr. Q. IV. № 95. Л. 114об.

Маршал М.К.Ж. Лефевр отдал на следующий день приказ по гвардии, в котором говорилось: «Император в высшей степени недоволен тем, что, несмотря на приказ, требующий прекратить грабеж, не видно, чтобы подразделения гвардии, выделенные для мародерства возвратились в Кремль... Все военные чины гвардии, которые возвращаются в Кремль с вином, продуктами и всеми теми вещами, которые получены в результате грабежа, должны арестовываться...»⁷⁴. Однако разнузданность солдат Великой армии, и даже солдат императорской гвардии уже перешла всякие пределы. В приказе от 23 сентября по гвардейской дивизии Ф.Б.Ж.Ф. Кюриала отмечалось: «Гофмаршал двора (Ж.К.М. Дюрюк – В.З.) оживленно возмущался тем, что, несмотря на повторные запреты, солдат продолжает отправлять свою нужду во всех углах и даже под окнами императора»⁷⁵. 29 сентября (через 9 дней после распоряжения императора!) в приказе по дивизии Кюриала говорилось: «Беспорядки и грабежи вчера, прошлой ночью и сегодня возобновились Старой гвардией в такой степени и в такой недостойной манере, каких не было никогда ранее»⁷⁶. Тем же днем помечен приказ дня по всей армии за подписью начальника Главного штаба Великой армии Л.А. Бертье, из коего следовало, что грабежи продолжаются, и где заявлялось, что с 30 сентября солдаты, продолжающие мародерствовать, будут преданы воинским комиссиям и осуждены «со всей строгостью закона»⁷⁷.

Бесконтрольный грабеж Москвы Наполеону удалось остановить только к началу октября. Но теперь перед ним стояла задача подготовиться к эвакуации и начать отступление. Специальная комиссия под руководством генерального секретаря генерального интендантства Сен-Дидье должна была собрать все драгоценности, найденные в Москве, особенно в кремлевских соборах. «...Собраны многочисленные драгоценные вещи в церквях Кремля, дабы в качестве трофеев отправить их в Париж, а также многочисленные слитки золота, которые, вы, без сомнения, получите в руки», – сообщал 15 октября своему отчиму чиновник интендантского ведомства Проспер⁷⁸. Кастелян 16 октября записал в журнале: «Собрано и переплавлено столовое серебро кремлевских церквей и передано казначею армии»⁷⁹. «...Его величество, –

⁷⁴ Приказ дня по императорской гвардии. 21 сентября 1812 г. // *Extraits du livre d'ordres 2-e Régiment de grenadiers á pied de la Garde imperiale (2-e bataillon, 2-e compagnie) // Carnet de la Sabretache*. 1900. № 95. P. 683.

⁷⁵ Приказ дня по императорской гвардии. 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 685.

⁷⁶ Приказ дня по императорской гвардии. 29 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 690.

⁷⁷ Приказ дня по Великой армии. 29 сентября 1812 г. – РГБ ОР. Ф. 41. К. 165. Ед. 16. Л. 2.

⁷⁸ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 149.

⁷⁹ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 170.

зафиксировал в журнале 28 сентября Пейрюс, – решил забрать из церкви Кремля серебряные полосы, которыми отделаны стены, так же, как и восхитительную люстру из литого серебра»⁸⁰. Из московского Кремля должны были быть вывезены и все другие вещи, которые, по мнению Наполеона, представляли какую-либо ценность, не только материальную, но и – для русского человека – символическую. 9 октября Наполеон продиктовал 23-й бюллетень Великой армии. В нем говорилось о том, что «знамена, взятые русскими у турок во время разных войн, и многочисленные иные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж»⁸¹. Должен был отправиться в Париж и крест с колокольни Ивана Великого. «Русский народ, – записал 28 сентября Пейрюс, – связывает обладание крестом Святого Ивана с сохранением столицы; Его величество не считает себя обязанным обходиться с какими-либо церемониями с врагом, который не находит иного оружия, кроме огня и опустошения. Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был увезен, чтобы быть водруженным на доме Инвалидов. Я отметил, что, в то время как рабочие были заняты этой работой, огромная масса ворон носилась вокруг них, оглушая своим бесконечным карканьем»⁸².

Все чины Великой армии, готовясь к эвакуации, основательно запасались награбленным в Москве добром. Московские «сувениры» могли представлять собой «ящичек, в котором находился медальон в форме сердца, кружева, окаймленные золотом, булавку, несколько жемчужин, немного китайки», «великолепную шубу лисьего меха, покрытую лиловым атласом» (лейтенант Паради), «шесть добрых дюжин хвостов куницы» (полковник Паркез), «шали для Софи и Клары, очень хорошие» (кирасирский офицер Жорж), «два воротника из куницы» (начальник протокольного и бухгалтерского отдела государственного секретаря Билле), «портрет Павла I, надевшего все свои ордена» (некий Ж. Лаваль), «шаль из кашемира» (шеф эскадрона Г. де Ванс)... Некоторые письма из Москвы в этом плане особенно впечатляют. Вот, например, письмо Дунина-Стжижевского, начальника штаба польской кавалерийской дивизии: «...сделал несколько покупок для тебя на добром рынке, – пишет граф своей жене, урожденной Потоцкой, в Варшаву, – но они настолько хороши для перепродажи, что можно взять за них очень неплохую цену... Мне сказали, что соболя, за которые я заплатил 24 франка золотом за два гарнитура – это недорого,

⁸⁰ *Peyrusse G.-J.* Op.cit. P. 105.

⁸¹ 23-й бюллетень Великой армии. Москва, 9 октября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I.* P. 68-69.

⁸² *Peyrusse G.-J.* Op.cit. P. 105.

но в сравнении с тем, как было в первые дни, эта цена непомерная. Я обрыскал улицы, чтобы найти какие-либо вещи, но ничего больше нет...» «Я не могу не сожалеть сильно о том, что, попади [в Москву] раньше, я мог бы купить тысячи вещей по дешевой цене»⁸³. С поражающей дотошностью бухгалтера перечисляет в письме жене «приобретенные» в Москве меха «рыцарь без страха и упрека», «покоритель редутов» генерал Ж.Д. Компан: «Вот, моя дорогая, что мне удалось достать из мехов: лисья шуба – частью полосы черные, частью красные; лисья шуба – частью полосы голубые, частью полосы красные. Лисьи шкуры в этой стране добываются, и поэтому они не делаются как гарнитур. Эти две шубы, о которых сообщил ранее, очень хорошие; большой воротник из лисы серо-серебряный; воротник из черной лисы. И тот, и другой очень красивые...»⁸⁴

Очевидно, что и внешний вид европейской армии, оказавшейся в столице «варваров», тоже изменился радикальным образом. «...Я смог купить по дешевой цене теплую шубу, благодаря которой я смог утеплить мой старый гарик (плащ – В.З.), – пишет 22 сентября полковник Паркез. – Я соорудил с помощью солдата большие сапоги из шкуры медведя, мехом вовнутрь, и закончил перемены в своем внешнем виде, утеплив себе мехом нос – да, смейся – себе нос мехом»⁸⁵. «Я, к счастью, нашел гренадера, – повествует в письме к жене помощник начальника топографического кабинета императора Л.А.Г. Бакле д'Альб, – который согласился сделать новые теплые подкладки к моим мундирам. Я подогнал хорошую шубу (хотя и старую), чтобы ездить на лошади... егерь починил мои сапоги, и он же мне обещал пару ботинок из шкуры, чтобы поместить в них наполовину эти сапоги. Я покрыл беличьим мехом мой парижский картуз...»⁸⁶. «Достал очень большую женскую шубу из лисы и белого атласа, и она мне хорошо служит. Я предпочитаю ее всему другому», – писал К.А. Лами, чиновник, прикомандированный к военным комиссарам⁸⁷. Когда армия тронулась из Москвы, внешне она уже мало напоминала собой слаженный военный организм. Так, оставляя город, вюртембергский лейтенант К. Зуков имел из формы только один эполет, а поверх мундира надел домашний

⁸³ П. Дуин-Сжижевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 79.

⁸⁴ Ж.Д. Компан – жене. Москва, 14 октября 1812 г. – РГАДА. Д. 253. Л. 1-2; *Lettres interceptées...* P. 97-98.

⁸⁵ Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 61.

⁸⁶ Л.А.Г. Бакле д'Альб – жене. Кремль, 15 октября 1812 г. – РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92. Л. 70-70об.; *Lettres interceptées...* P. 111.

⁸⁷ К.А. Лами – г-ну Буше. Москва, 19 (?) октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 168.

шлафрок красного бархата, «отороченный кроликом», на голове вместо потеряннного кивера было «нечто вроде каски»⁸⁸. Сержант полка фузелей-гренадеров Молодой гвардии А.Ж.Б.Ф. Бургонь надел поверх рубашки «жилет из стеганого на вате желтого шелка», который «сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем»; «через плечо висела сумка на широком серебряном галу-не»⁸⁹. Р.Э.Ф.Ж. Монтескье барон Фезенсак, командир 4-го линейного полка, наблюдая, как Великая армия выступала из Москвы, подумал, что это «зрелище напоминает войны азиатских завоевателей»⁹⁰. Москва превратила армию европейскую в армию азиатскую.

Армия стала «варварской» не только внешне. Наполеон, покидая Москву, в каком-то мстительном ожесточении решил уничтожить то, что осталось. Чиновник Итасс (вероятно из почтового ведомства) написал 14 октября о том, что армия готова «покинуть Москву и уничтожить все запасы муки, вина, фуража и всего остального, что нельзя транспортировать, вплоть до того, чтобы не оставлять никаких ресурсов для тех жителей, которые остаются...»⁹¹. 20 октября, двигаясь к Малоярославцу, Наполеон отдал приказ о разрушении Москвы: «22-го или 23-го, к 2 часам дня, предать огню склад с водкой, казармы и публичные учреждения, кроме здания детского приюта. Предать огню дворцы Кремля. А также все ружья разбить в щепы; разместить порох под всеми башнями Кремля...» После эвакуации гарнизона следовало в 4 часа дня взорвать Кремль. «Следует позаботиться о том, чтобы оставаться в Москве до того времени, пока сам Кремль не будет взорван. Следует также предать огню два дома прежнего губернатора и дом Разумовского»⁹². В 26-м бюллетене от 23 октября Наполеон сообщил миру: «Этой древней цитадели, столь же древней, как сама монархия, этой первой резиденции царей, больше не существует!»⁹³

Так закончилось пребывание Великой армии в Москве. Наполеон и его солдаты, входившие в русскую столицу как носители западно-европейской цивилизации, ведущие «гуманную» войну, вышли из нее, готовые отплатить «скифам» «той же монетой». Позже, находясь на острове Св. Елены, и создавая для Европы миф о русской кампании,

⁸⁸ *Suckow K. von. D'Iena à Moscou. Fragments de ma vie. P., 1901. P. 199.*

⁸⁹ *Бургонь. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 63-64.*

⁹⁰ *Fezensac M. The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970. P. 52.*

⁹¹ Итасс – г-ну Клэнкамп, директору эстафет его величества. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées... P. 103.*

⁹² Наполеон – Бертье. Троицкое, 20 октября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon I. P. 278-279.*

⁹³ 26-й бюллетень Великой армии. Боровск, 23 октября 1812 г. // *Œuvres de Napoléon I. P. 73-76.*

Наполеон заявит: «В 1812 году, если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решения неслыханного в истории, и не создали бы условия, чтобы его исполнить, то взятие этого города повлекло бы за собой исполнение миссии в отношении России...»⁹⁴. «Мир в Москве означал бы завершение моей военной экспедиции», – отмечал Наполеон в другой раз и рисовал блестящую картину последующего благоденствия и процветания Европы⁹⁵. С тех пор, когда мир услышал голос узника Св. Елены, история о московском пожаре 1812 г. стала своего рода символом противопоставления Западной Европы «варварству русских». То, что война и Великую армию тоже сделала «варварской», было быстро забыто. Что же касается утверждения французской историографии о решающей роли «природных стихий» в исходе войны 1812 г., то, в сущности, оспаривать его бессмысленно. Наполеон, вступая в Москву как «цивилизованный европеец», действительно оказался не готов столкнуться с теми крайними методами борьбы, которые его там ожидали.

---

⁹⁴ *Montholon*. Op. cit. P. 228.

⁹⁵ *Las Cases A.E.D.M.* Op. cit. T. 2. P. 145 (запись от 24 августа 1816 г.).